

В начале войны многие суда по плану мобилизации были переоборудованы под военные корабли. Торговые моряки тоже стали военными. Изменило «профессию» и огромное судно – грузопассажирский рефрижераторный теплоход «Андрей Жданов» водоизмещением 5365 тонн. Его переоборудовали под госпитальное судно и передали Военно-Морскому флоту.

Уютный ресторан, музыкальный салон, другие пассажирские помещения переделали в операционную, перевязочную, гипсовальную комнату, рентгеновский кабинет, лабораторию, отделения тяжело- и легкораненых. Переоборудование закончилось 15 июля 1941 года.

Когда хирург старший лейтенант Алла Мартынцева впервые подошла к «А. Жданову», восхитилась – огромный белый корабль

с громадными красными крестами: «Ну, просто корабль – лебедь». Через пару дней, удивилась: несколько рабочих закрашивали белый цвет.

– Зачем портить такую красоту? – спросила она у хирурга Богаченко – начальника всей хирургии на судне.

– Чтобы не стать целью у фашистов, – ответил он.

– Как? – удивилась она. – Существует международная конвенция о ненападении воюющими сторонами на госпитали.

– Милая девушка, – ответил Богаченко, – первые дни войны показали, что фашистская Германия игнорирует все нормы, существующие для всего мира. Гитлеровские выродки с особым оже-

сточением воюют со слабыми, расстреливают и уничтожают госпитали, санитарные машины, поезда с красными крестами, суда.

В это не хотелось верить. «Андрей Жданов» теперь был не белым, его перекрасили в обычный для военных кораблей шаровый цвет, установили на нём четыре зенитных орудия, пулемёты и противолодочную пушку. Для команды, а тем более для врачебного персонала, работа на госпитальном судне была делом новым. Все понимали, что, может быть, действовать придётся в исключительных условиях, поэтому пришлось отрабатывать приёмы подъёма раненых на борт с малых кораблей, да ещё при волнении моря, транспортировки их внутри судна. К тому же, надо было предвидеть эвакуацию тяжелораненых с судна на случай вынужденных обстоятельств.

Гитлеровцы продолжали продвигаться по побережью Финского залива, вражеский фронт всё ближе подползал к Ленинграду. В середине августа противник вышел на передовой рубеж обороны Таллина, где размещался штаб Краснознамённого Балтийского флота. В непрерывных атаках и контратаках обе стороны несли большие потери. Все наши армейские госпитали ещё от Либавы (в советское время Лиепая) и Риги отходили вместе с армией и оказались в Таллине, где собралось много раненых. Уже перерезали железную дорогу, соединяющую столицу Эстонской советской республики с Ленинградом, уже окружили Таллин. Эвакуировать раненых можно было только морем.

Для транспортировки раненых из Ленинграда вызвали турбоэлектроход «ВТ-509» («Балтика») и пассажирский теплоход «Сибирь», по плану мобилизации тоже переоборудованные в госпитальные суда. На них был прекрасный штат медицинских работников всех рангов от санитаров до профессоров. Рейс в Таллин в середине августа 1941 года был опасным, суда прибыли под охраной боевых кораблей. По пути охранение отбило несколько воздушных атак и уничтожило не одну мину. На «ВТ-509» намечалось эвакуировать 6000 человек, хотя судно было рассчитано только на 500 коек.

Больше ста санитарных машин и городских автобусов подвозили раненых на причалы, где дожидались десятки специально оборудованных барж с широкими сходнями. Для охранения «Балтики» выделили эскадренный миноносец «Стерегущий», четыре базовых тральщика и четыре малых охотника.

Конвой из Таллина вышел на рассвете. Всё внимание службы наблюдения и связи, штабов в Таллине и Кронштадте сосредото-

чилось на нём. Над конвоем не раз появлялись фашистские разведчики, но бомбардировщиков не было, они бомбили Ленинград. У мыса Юминда тральщики затралили двенадцать мин, на одной из них подорвался тральщик «Крамбол». У Гогланда госпитальное судно получило большую подводную пробоину в носовой части. Эскадренный миноносец «Стерегающий» взял его на буксир и со всеми ранеными благополучно доставил в Ленинград. Судьба санитарного судна «Сибирь» оказалась трагичной. Днём фашисты его терзали с воздуха, а ночью главной опасностью стали мины. «Сибирь» погибла от налёта фашистских бомбардировщиков, хотя шла в сильном охранении, но большинство раненых спасти удалось.

23 августа, когда морякам «А. Жданова» пришёл приказ штаба КБФ принять на борт максимальное количество раненых и в составе сформированного каравана следовать в Ленинград, окружённый Таллин ещё отчаянно сопротивлялся. Корабли эскадры активно помогали тем, кто воевал на суше. От залпов крейсера «Киров», «Минск», эскадренных миноносцев, канонерских лодок, тяжёлых орудий береговой обороны содрогалось всё вокруг. Фашисты развивали наступление по всему фронту, подтягивали резервы. Как утверждали пленные, фашистское командование отдало приказ 24 августа любой ценой взять Таллин. И если бы не помощь тяжёлой артиллерии кораблей, сухопутные бойцы, которых уже было мало, сдерживать натиск противника не смогли бы.

Погрузить раненых на пароход и отправить в тыл совсем в таких условиях было трудной задачей. Работать пришлось быстро, согласованно, — задержка кораблей на рейде в осаждённой базе могла кончиться трагически.

Мартынцева знала, что может случиться в пути, каким рискованным может быть рейс, но не пыталась от него отказаться. Погрузка продолжалась день и всю ночь. Раненые поступали в течение всего дня. Их приводили и приносили прямо с поля боя. Медицинский персонал вместе с командирами и политработниками, санитарями и матросами принимал, обмывал, кормил прибывающих с фронта людей. Все старались чуткостью и заботой облегчить их страдания. Для них были отданы все служебные помещения и отсеки, в том числе и каюты командного состава и команды. В полной мере пригодился недавно полученный опыт: закреплённые за каждым обязанности при погрузке, умение общаться с ранеными. Это во многом облегчило страдания людей. Никаких перевязочных кают не было, как и гипсовальной комнаты. Все помещения

заполнили ранеными, даже трупы. Гипсовали и перевязывали, где придётся, только передвигали столы. Работали днём и ночью. На 250 коек корабля приняли более 1000 раненых, 250 эвакуированных женщин и детей.

Когда корабль отчалил, в Таллине уже шли уличные бои.

Командование судна отдавало себе отчёт, что их ждёт. Понимало и то, что перегрузка корабля людьми без достаточного обеспечения спасательными средствами чревата последствиями. Но выбора не было. Истерзанные, беспомощные люди могли попасть в руки фашистов, поэтому приходилось рисковать.

На рассвете 24 августа на внешнем Таллинском рейде конвой, идущий в Кронштадт, снялся с якорей. На восток уходили корабли всех рангов и наименований с людьми и военными грузами. В составе конвоя шли транспорты с ранеными. Впереди строем уступа шли тральщики за ними эскадренный миноносец «Энгельс», танкер № 11, портовый ледокол «Октябрь», транспорт. Всего 11 единиц. «А. Жданов» в караване по ордеру следовал замыкающим.

На эсминце «Энгельс», ещё дореволюционной постройки, участнике Первой мировой войны, недавно вернувшемся из Рижского залива, где принимал участие в его обороне, были все виды орудий, соответствующие его рангу.

Штурман госпитального судна Мартынцев радовался тому, что день выдался пасмурным, по небу плыли тяжёлые свинцовые тучи: при такой погоде и умеренной видимости авиация противника не обнаружит караван.

Среди раненых многие были из госпиталей обработанные, но многих в госпиталях обработать не успели, нуждались в срочной помощи и те, кого принесли прямо с поля боя. Начальник госпиталя Лещев, врачи-терапевты Воробьёв, Николаев, Варшавская, Френкель осматривали раненых, делали всё, чтобы облегчить им боль. Тех, кому требовалась срочная операция, направляли к хирургам. Алла Мартынцева на госпитальном судне была начальником хирургического отделения тяжелораненых. За всех раненых отвечал Н.Я. Богаченко. Он, Алла, Гильяр, другие врачи-хирурги, все медицинские сестры, в том числе Е.Н. Рыбежская, С.В. Матчина, не покидали операционной и перевязочной двое суток, пока корабль уже днём не прибыл в Кронштадт.

Мартынцев вновь вышел на палубу посмотреть погоду. Небо продолжало хмуриться. Солнце редко прорывалось из-за туч, хотя они уже не были тяжёлыми. Дул северо-западный холодный

ветер. Скоро попали на минное поле. Караван подходил к траверзу мыса Юминда, занятого неприятелем. Погода улучшилась. В небе появился вражеский разведчик, что не предвещало ничего хорошего. Надо было ждать налёта фашистских самолётов. Через полчаса показались «юнкеры». Их встретили дружным огнём зенитчики со всех кораблей. Но они были оснащены слабо. И только эскадренный миноносец «Энгельс» мог дать достойный отпор. Самолёты один за другим выходили на цели, но, опасаясь зенитного огня, сбрасывали свой смертоносный груз беспорядочно и скрывались в направлении финского берега. Бомбы взрывались в воде то недалеко от одного борта судна, то от другого. В корабли на ходу попаданий не было.

Караван в это время форсировал большое минное поле. Корабли и суда шли по узкому протраленному фарватеру, а потому вытянулись длинной лентой. «А. Жданов» от «Энгельса» оказался на значительном расстоянии.

Самолёты, сбросив свой смертоносный груз, улетали, но скоро прилетали другие и с немецкой методичностью бомбили караван. Их было много. Одновременно начала бить артиллерия с мыса Юминда, до которой около 110 кабельтовых. Справа по курсу блестели вспышки, доносился раскатистый гул залпов тяжёлых орудий. Уклоняться от бомб и снарядов большому судну на узком протраленном фарватере очень сложно. Однако капитан «Жданова» Пётр Петрович Елизаров с присущим ему хладнокровием быстро оценивал обстановку и, искусно маневрируя, уходил от бомб и артиллерийских снарядов. Корабль сильно накренился то в одну сторону, то в другую. Чётко и слаженно работала машинная команда под руководством механиков П.Т. Настерского и А.А. Шугаева. Главный двигатель и другие механизмы действовали безотказно, команды с мостика выполнялись чётко, повреждения устранялись быстро.

А в небе продолжали кружить самолёты, сбрасывать бомбы. Впереди идущие суда каравана гибли один за другим. Теперь фашистские лётчики выбрали очередную жертву – транспорт, идущий в этом же караване, на борту которого, помимо раненых, были семьи военнослужащих. Над ним самолёты пролетали совсем низко, поливая палубу пулёмётным огнём. Женщины поднимали своих детей, показывая их немецким асам, как бы говорили, что на борту мирные люди. Фашистские лётчики из кабин самолётов не могли этого не видеть, но продолжали стрелять по ним из пулёмётов, сбрасывать бомбы. Одна из них попала в транспорт, и

он стал тонуть. Экипаж госпитального судна, свободный от вахты и некоторые пассажиры вытаскивали из воды, кого могли. Но всем несчастным помочь было невозможно. «А. Жданов» шёл по кипящей от рвущихся бомб воде, по барахтающимся в ней людям.

С наступлением темноты действия вражеской авиации прекратились, но нависла другая угроза – мины. На mine подорвался эскадренный миноносец «Энгельс» и затонул. Карт минных полей у Елизарова не было, их дали охране, но не было и охраны.

Как быть? Остаться и дожидаться рассвета? Но тогда снова прилетят вражеские самолёты, а у зенитчиков кончились снаряды. Командир судна, посоветовавшись со штурманом, принял решение продвигаться к острову Готланд под прикрытие наших батарей.

От всего каравана остались только два судна. Их вёл оставшийся на плаву тральщик. Головным шёл «А. Жданов», в кильватере двигался портовый ледокол «Октябрь». Идущий впереди тральщик продолжал подсекать мины. Его тралы рвались от их взрывов. Быстро заводили запасные. Как маленькая звёздочка блестел кильватерный огонь тральщика. Но вскоре тральщик и ледокол потерялись в темноте, госпитальное судно осталось одно. Сигнальщик доложил:

– Вижу мину. Слева десять градусов.

Помощник капитана Кононенко приказал боцману на баке шестью провести её за корму. Так и сделали и сообщили о ней идущему сзади ледоколу «Октябрь».

Вода за бортом была чёрной, холодной, от неё пахло мазутом, значит, здесь потерпел аварию кто-то из каравана. Уже в темноте обошли другую мину и вдруг сигнальщик, стоявший на носу возле самого форштевня, крикнул:

– По носу вижу мины. Две, три!..

Механик Настерский рванул машинный телеграф:

– Полный назад!

Вдоль борта проплыли чёрные шары.

Ночь. Только осколок луны слегка освещал водную поверхность. Все, кто были на палубе, вглядывались в неё. Снова увидели мину. Кто-то из матросов прыгнул за борт, чтобы оттолкнуть её от борта. Сколько героизма проявили матросы в ту страшную ночь!

Утром госпитальное судно радостно приветствовало солнце. На его беду день был хорошим. Дул слабый свежий ветерок от норд-оста. Становилось жарко. Фашистские самолёты провели

разведку. Мартынцев понял, что сейчас появятся бомбардировщики. Они не заставили себя долго ждать. Теперь для фашистских самолётов госпитальное судно стало лёгкой мишенью. И фашисты устроили на него настоящую охоту.

Как потом в отчёте написал начальник санитарной службы Краснознамённого Балтийского флота полковник Баудер: ««А. Жданов» выдержал 12 атак пикирующих бомбардировщиков, на судно было сброшено 40 авиабомб по 250 килограмм каждая. Бомбы рвались вблизи судна, пробивая обшивку корпуса, осколки наносили новые тяжёлые ранения раненым».

Аллу Мартынцеву вызвали из операционной на твиндек второго номера для оказания срочной помощи к вторично раненому осколком солдату. Она спустилась вниз. Первое, что бросилось в глаза – большая, выше ватерлинии, пробоина в корпусе судна, через которую, как в большое окно, видна поверхность моря. Хорошо, что оно спокойно, иначе залило бы людей водой. Трюм забит ранеными. Сюда их вносили последними, поэтому несколько человек оставались на носилках. К одному из них, в большом гипсовом корсете, её и вызвали. Он, сильно окровавленный, лежал напротив пробоины. Алла наклонилась над ним, чтобы определить, чем ему можно помочь, но осколок снаряда опередил её. Раненый получил ещё одно ранение, помощь ему уже не нужна, он был мёртв. Вдруг через пробоину влетел ещё осколок, буквально в двух-трёх сантиметрах от Аллы пронёсся мимо, попал в голову раненому, который лежал на носилках и курил, выбил ему мозги. Ужасно было видеть человека, который лежал с дымящей папиросой во рту с рядом лежащими его мозгами.

Но ни эта жуткая смерть, ни воющие звуки пикирующих бомбардировщиков, ни грохот рвущихся бомб и снарядов не могли вывести врача из равновесия. В эти страшные дни Алла ничего не боялась, лишь иногда втягивала голову в плечи. У неё была огромная любовь, ответная, к своему мужу, родному Жене – штурману этого судна Евгению Николаевичу. А когда человек влюблён, даже море ему по колено. Он уверен в себе, ничего не боится. Она ничего не боялась и раньше.

Она родилась в Белоруссии, позже жила в Донбассе. Так как отец был юристом, в то время для его дочери путь в институт был закрыт. Окончив школу, чтобы заработать себе «пролетарское происхождение», Алла поступила в ФЗО, получила специальность слесаря-лекальщика, и в 1934 ей дорога в институт была открыта. В 1939 году Алла окончила 1-й Ленинградский Медицинский инсти-

Алла студентка.
1938 год

Выпускницы ВМ факультета . Алла справа.
1939 год

тут, факультет – военно-морской, год работала по специальности на Черноморском флоте в Ялте, обслуживала старший командный состав. И сейчас, после того, что испытала в твиндеке второго номера, понимая, что сделай какое-нибудь движение, тот осколок мог быть её, она спокойно пошла на своё рабочее место к операционному столу и стала обрабатывать следующего раненого.

Начиналось утро. С большим трудом дошли до острова Готланд. В этом большая заслуга капитана Елизарьева и штурмана Мартынцева. Они, не имея нужных карт, сумели провести судно через минные поля. На острове Готланд их ждали, для них приготовили несколько ящиков снарядов и немного питьевой воды. Передав для захоронения трупы убитых и умерших от ран, судно пошло дальше.

Безоблачный ясный день, уже был виден купол Кронштадтского собора. Напряжение у раненых и экипажа несколько спало. Каждый считал, что все беды уже позади. Но на траверзе Шепелева маяка неприятель предпринял новую попытку атаковать судно. Со стороны финского берега из-за солнца на бреющем полёте перпендикулярно курсу теплохода появился вражеский самолёт. Он в непосредственной близости от судна сбросил бомбы и открыл огонь из пулемёта. Бомбы упали одна с одной стороны судна, другая с другой. Судно сильно наклонилось на один бок, потом на другой, зачерпывая в пробоину воду. Но «А. Жданов» выстоял и в этот раз.

На подходе к Кронштадту, когда Мартынцева шла между каютами по коридору, кто-то из лежащих на полу позвал её: «Алла!». Она узнала своего преподавателя из института, наклонилась. Он был в гипсе, который ему наложили в госпитале в Таллине. На го-

Е.Н. Мартынецев. Муж Аллы

спитальное судно он попал недавно, его выловили в море, когда фашистские лётчики потопили транспорт, на котором он покинул Таллин.

Когда пришли к стенке Кронштадта, на корабле насчитали более 200 пробоин. В порту их ждали, встречали машины скорой помощи, забирали раненых, развозили, куда было можно. Часть раненых и всех хирургов отправили в Ленинград.

В обычных автобусах их отправляли в госпиталь у Витебского вокзала. Но этот госпиталь сильно обстреливали, как и в тот момент, когда они подъехали к нему. Чтобы как-то защитить раненых от осколков снарядов, врачи и медсёстры закрывали окна матрацами и подушками.

Но что для снаряда стенка автобуса или матрац?

В Ленинграде «А. Жданов» пришвартовался у стенки между Дворцовым и Кировским мостами. Отсюда в середине ноября судно вместе с другими кораблями отправилось в третий поход на полуостров Ханко. До Ханко 65 миль, можно пройти за четыре часа, но кругом были сотни мин. Из-за плохой видимости лидер «Ленинград» и транспорт «А. Жданов» отстали. Они не смели попасть в протраленную зону. «Ленинград» дважды подорвался на минах. Экипаж корабля героическими усилиями справился с поступлениями воды. Вышел из строя гирокомпас. Представитель штаба флота капитан 1 ранга Н. И. Мещерский, находившийся на транспорте, распорядился спасти «Ленинград», вести его к Готланду. Но скоро и сам транспорт «А. Жданов» подорвался на mine и затонул. Экипажу удалось спастись. Так закончилась одна из страниц героической летописи госпитального судна «А. Жданов», сменившего в годы войны мирную профессию на военную.

Аллу направили на работу в 3-й Военно-морской госпиталь. Она носила под сердцем новую жизнь, но продолжала работать. 28 марта она была дома и почувствовала, что подходит время родов. Ей стало страшно. Алла, хотя и врач, но растерялась, не знала, что делать.

— Иди быстрее в госпиталь, где работала, — сказала свекровь. — Мало ли, что может произойти.

Алла взяла чемоданчик с детским приданым и вышла на улицу. На улице ни души. Идти до улицы Льва Толстого не близко. Операционная сестра положила роженицу в коридоре на топчан. Рядом стонет матрос.

Родилась девочка Ксюша. Начальник госпиталя, которому катастрофически требовались врачи, учитывая ситуацию, предложил молодым родителям жить в госпитале, освободив для этого небольшую комнату на 7 этаже. Для молодой мамы это было удобно, так она могла больше времени проводить у больных и раненых.

Многие раненые поступали с осколками в теле. Алла быстро научилась их извлекать. У неё была большая металлическая коробка, в которую она складывала трофеи – осколки, вытащенные из ран. Набралась целая коллекция.

Одним случаем она гордилась: она с хирургом оперировали раненого в лёгкое. В госпитале считали, что подобные операции этот хирург делает лучше всех. Рентген показывал наличие осколка, а достать его, не делая большого разреза, специалист не мог. Раненому было уже совсем плохо. Чтобы он не умер на операционном столе, хирург хотел его просто зашить.

– Можно попробую я? – попросила Алла.

Она взяла щипцы с изогнутыми концами, которые называются корнцанг, сумела захватить осколок и вытащила. Для неё это было победой. Осколок был огромный 10 на 4 миллиметров.

Алла не только умела извлекать осколки, ей доверяли и лечение сложных заболеваний. Среди её больных была палата с редким заболеванием – каузалгией. Оно чаще всего появляется при травмах. Больные испытывают жгучую боль по ходу поражённого нерва. Малейшее прикосновение резко усиливает боль. Ощущения очень болезненные, лечение протекает долго.

Как-то в садик около госпиталя попала торпеда. Прежде чем её обезвредить, срочно эвакуировали всех пациентов госпиталя, а палату с больными каузалгией, чтобы не причинять им дополнительных страданий, оставили. Чтобы пациентов успокоить, Алла осталась с ними. Но, понимая опасность, взяла свою грудную дочь и с ней пришла к больным, решив, что, если случится страшное, то погибнут вместе, ребёнок не останется сиротой.

Лето 1942 года. Ленинград в блокаде. На всех фронтах кровопролитные бои. Активные боевые действия проходили и на Северном флоте. Незамерзающий порт Мурманск не давал противнику покоя. Вражеские корабли и авиация представляли собой серьёзную угрозу советским морским коммуникациям. В Се-

Хирург Алла Михайловна

верной Норвегии находились основные силы фашистского надводного флота, в их числе линкор «Тирпиц», тяжёлые крейсера «Лютцов» и «Адмирал Хиппер», крейсера «Кёльн» и «Нюрнберг», много эсминцев, катеров, подводных лодок. Их задачей был перехват союзных конвоев, нарушение советских коммуникаций, уничтожение боевых кораблей. Перед советскими кораблями ставилась задача охранять свои коммуникации, нарушать вражеские перевозки, обеспечивать высадку десантов, проводить минные постановки.

Начальником санитарной службы в Беломорскую военную флотилию базы ОВРа (Охрана водного района) в Архангельск направили капитана медицинской службы Мартынцеву. К этому времени вышел приказ Сталина вернуть моряков из военного флота и передать их в торговый. Муж Аллы, старший лейтенант, ехал уже как торговый моряк на новое место работы, тоже в Архангельск. Эвакуировались через Ладогу всей семьёй, со свекровью и грудной Ксюшей.

Местом новой службы Аллы стало судно «Двина» – бывший рыболовный траулер, переоборудованный в тральщик.

Приняли её особенно тепло – все знали, что она из блокадного Ленинграда. Подошло время обеда. Её пригласили в кают-компанию. Когда она вошла, все 20 военных моряков, приветствуя её,

Алла с мужем Евгением Николаевичем и детьми

С правнуками

встали. Когда она уходила домой, и уже шла по пирсу, услышала за собой чьи-то торопливые шаги. Кто-то бежал за ней и кричал:

– Военврач, по стойте. Военврач.

Она остановилась.

– Просили передать, – сказал тот, кто догонял, и протянул небольшой пакет.

Дома она развернула его, в пакете было то, о чём в Ленинграде можно было только мечтать: половина белого хлеба, немного сахара и манной крупы. Они со свекровью заплакали, какая забота о дочери!

К жизни на «Двине» привыкать было сложно. Алла была обязана являться к подъёму флага в 6.00 и уходить с его спуском в 20.00.

А осколки Мартынцева таскала и после войны во 2-й портовой больнице в Ленинграде, в больнице водников в Риге. В 1950 году она вернулись в Ленинград.

Хирург с 40-летним стажем Алла Михайловна Мартынцева награждена орденом Отечественной войны, многими медалями, имеет нагрудные знаки: Памятный знак «Гангут» 1941 г. и Ветерану ДКБФ.

В 2015 году, когда я писала этот очерк, Алле Михайловне исполнилось 100 лет. Маленькая, сухонькая, слепая, очень доброжелательная, она любит свою дочь Ксению, внуков, дружит с правнуками, которых у неё шесть.